

ИИСУСОВ СЫН ДЕНИС ДЖОНСОН

No Kidding Press

Денис Джонсон

Иисусов сын

1992

Джонсон Д.

Иисусов сын / Д. Джонсон — 1992

Денис Джонсон начинал как поэт, опубликовал несколько сборников стихов, писал романы, получал премии, но по-настоящему прославился после этой книги рассказов. Главный герой «Иисусова сына» – алкоголик и наркоман, ненадежный, но предельно откровенный рассказчик. Он совершает сомнительные поступки и ждет от себя вещей похуже, путается и сбивается – но временами видит мир с ясностью прозрения.

Содержание

авария во время путешествия автостопом	6
двое	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Денис Джонсон Иисусов сын

JESUS' SON.

Copyright © 1992 by Denis Johnson.

All rights reserved.

© Юлия Серебренникова, перевод, 2020

© No Kidding Press, издание на русском языке, оформление, 2020

* * *

Бобу Корнфилду

*When I'm rushing on my run
And I feel just like Jesus' Son...*

Lou Reed «Heroin»¹

¹ Когда тепло разбегается по венам И я чувствую себя как Иисусов Сын... Лу Рид «Героин»

авария во время путешествия автостопом

Коммивояжер, который угощал меня выпивкой и спал за рулем... Чероки, накачавшийся бурбоном... «Фольксваген» – не машина, а пузырь гашишного дыма, направляемый вперед студентом колледжа...

И семья из Маршалтауна, машина которой врезалась в другую машину и убила мужчину, ехавшего на запад из Бетани, штат Миссури...

...Я поднялся, насквозь мокрый после сна под проливным дождем и не до конца в сознании – спасибо первым троем из тех, кого я уже называл, коммивояжеру, индейцу и студенту, каждый из которых меня чем-то угощал. Я стоял у въезда на автостраду, не надеясь, что меня кто-то подберет. Я даже спальник не стал сворачивать, какой смысл – я был слишком мокрый, чтобы кто-нибудь пустил меня в машину. Я набросил его сверху, как дождевик. Ливень хлестал асфальт и клокотал в выбоинах. Мысли у меня в голове жалобно гудели. От таблеток, которыми меня накормил коммивояжер, я чувствовал себя так, как будто кто-то выскоблил внутреннюю поверхность моих вен. У меня болела челюсть. Я знал каждую дождинку по имени. Я чувствовал все до того, как оно происходило. Я знал, что этот «олдсмобиль» остановится рядом со мной, прежде чем он успел замедлить ход, а услышав приветливые голоса людей внутри, я уже знал, что будет гроза и мы попадем в аварию.

Мне было все равно. Они сказали, что довезут меня прямо до места.

Мужчина и его жена взяли девочку к себе вперед, а младенца оставили на заднем сиденье вместе со мной и моим насквозь мокрым спальником.

– Быстро мы не поедem, – предупредил мужчина. – У меня тут жена и дети.

Да, вы те самые, подумал я. Приткнул спальник к левой двери, положил на него голову и уснул, не заботясь о том, жив я или мертв. Младенец лежал прямо на сиденье рядом со мной и спал. Ему было месяцев девять.

...В тот же день, еще до всего этого, мы с коммивояжером мчались в Канзас-Сити на его роскошном автомобиле. С самого Техаса, где он подобрал меня, между нами установился дух опасного и циничного товарищества. Мы опустошили его баночку с амфетаминами и время от времени сворачивали с автострады, чтобы купить еще бутылку «Кэнейдиан клаба» и пакет льда. У него в машине были цилиндрические держатели для стаканов на обеих дверях и белый, под кожу, салон. Он сказал, что я могу переночевать в его доме, с его семьей, но сначала он хотел заехать к одной знакомой.

Под облаками Среднего Запада, похожими на огромные серые мозги, мы съехали с автострады, как будто несомые течением, и сели на мель в канзасском часе пик. Стоило нам замедлить ход, как вся магия нашего путешествия испарилась. Он все говорил и говорил о своей подружке. «Она мне нравится, наверное, я люблю ее, но у меня жена и двое детей, а это обязательства. И, кроме всего прочего, я люблю свою жену. У меня дар любить. Я люблю своих детей. Всех своих родственников люблю». Он все продолжал, а я почувствовал себя брошенным, мне стало грустно: «У меня есть лодка, маленькая, шестнадцать футов. Две машины. А на заднем дворе есть место для бассейна». Он застал свою девушку на работе. У нее был мебельный магазин, там я его и потерял.

До самой ночи на небе ничего не менялось. Потом было темно, и я не видел, что надвигается гроза. Водитель «фольксвагена» – студент, тот самый, который накурил меня гашишем, – высадил меня за чертой города, как раз когда начался дождь. Несмотря на все амфетамины, которые я съел, меня так придавило, что я не мог стоять. Я лег на траву у съезда с автострады и проснулся в луже, которая образовалась вокруг меня.

А потом, как я уже говорил, я спал на заднем сиденье, а «олдсмобиль» – с семьей из Маршалтауна, – поднимая брызги, ехал сквозь дождь. И хотя мне что-то снилось, я смотрел прямо

сквозь веки и мой пульс отмерял секунды. В те годы трасса, проходящая через западную часть Миссури, представляла собой обыкновенную двухполосную дорогу, по крайней мере большая ее часть. Когда мимо нас пронеслась встречная фура, мы потерялись в слепящих брызгах и страшном грохоте, как будто нас протащили через автомойку. Дворники, ездившие туда-сюда по лобовому стеклу, не особо помогали. Я совсем вымотался и через час спал уже более крепким сном.

С самого начала я точно знал, что произойдет. Но проснулся я от криков мужчины и его жены, которые яростно отрицали происходящее.

– О – нет!

– НЕТ!

Меня с такой силой бросило на спинку их сиденья, что она сломалась. Некоторое время я колотился между сиденьями. Жидкость, про которую я сразу понял, что это кровь, летала по всей машине и лилась мне на голову. Когда все закончилось, я снова оказался на заднем сиденье, в том же положении, в каком спал. Я приподнялся и осмотрелся. Наши фары погасли. Монотонно шипел радиатор. Никаких других звуков слышно не было. Судя по всему, в сознании был я один. Когда глаза привыкли к темноте, я увидел, что младенец лежит на спине рядом со мной так, словно ничего не произошло. Глаза у него были открыты, и он трогал щеки своими маленькими ладошками.

Через минуту водитель, который лежал на руле, сел и уставился на нас. Лицо у него было разбито и темно от крови. От его вида у меня заболели зубы – но, когда он заговорил, я услышал, что зубы у него на месте.

– Что произошло?

– Мы попали в аварию, – ответил он.

– Малыш в порядке, – сказал я, хотя понятия не имел, как он.

Водитель повернулся к жене.

– Дженис, – позвал он, – Дженис, Дженис!

– Она в порядке?

– Она умерла, – ответил он, бешено тряся ее.

– Нет, не умерла, – теперь я сам был готов все отрицать.

Их дочь была жива, но без сознания. Она издавала какие-то жалобные звуки. Но мужчина продолжал трясти свою жену.

– Дженис! – крикнул он.

Его жена застонала.

– Она жива, – сказал я, выбираясь из машины, чтобы сбежать.

Я слышал, как он сказал:

– Она не просыпается.

Я стоял там посреди ночи, почему-то с младенцем на руках. Должно быть, все еще шел дождь, но я вообще не помню, какая была погода. Мы столкнулись с другой машиной на, как я теперь мог видеть, мосту на две полосы. Воду под нами было не разглядеть в темноте.

Когда я приблизился к той другой машине, я услышал резкий, металлический хрип. Кто-то наполовину свешивался из открытой пассажирской двери, вниз головой, в позе акробата на трапеции. У машины был смят бок, ее так сильно сплющило, что внутри не осталось места даже для ног этого парня, не говоря уже о водителе или других пассажирах. Я просто прошел мимо, не останавливаясь.

Вдалеке показались огоньки фар. Я побежал в начало моста, одной рукой размахивая, чтобы остановить машину, а другой прижимая к себе младенца.

Это оказалась большая фура, она со скрежетом затормозила. Водитель опустил окно, и я закричал ему:

– Там авария. Езжайте за помощью.

– Я не могу здесь развернуться, – ответил он.

Он впустил меня с младенцем на пассажирское место, и мы просто сидели в кабине и смотрели на разбитые машины в свете фар.

– Никто не выжил? – спросил он.

– Я не понимаю, кто жив, а кто нет, – признался я.

Он налил себе кофе из термоса, погасил фары и оставил гореть только габаритные огни.

– Сколько сейчас времени?

– Минут пятнадцать четвертого, – ответил он.

Судя по тому, как он себя вел, он разделял мою неготовность что-то предпринимать. Я почувствовал облегчение и чуть не расплакался. Все это время я думал, что от меня что-то требуется, но я не хотел знать что.

Когда с другой стороны показалась еще одна машина, я подумал, что надо с ними поговорить.

– Посмотрите за ребенком? – спросил я у водителя фуры.

– Ты лучше не выпускай его из рук, – ответил он. – Это мальчик?

– Кажется, да.

Мужчина, который свешивался из разбитой машины, все еще был жив, я остановился рядом с ним, потому что уже немного освоился с тем, насколько страшно он был покалечен, и убедился, что ничем не могу помочь. Он громко и неистово хрипел. Когда он выдыхал, у него на губах пузырилась кровь. Дышать ему оставалось недолго. Я это знал, а он нет, – передо мной была великая печаль человеческой жизни. Не в том смысле, что все мы когда-нибудь умрем, – это не так уж и печально. Я имею в виду, что он не мог рассказать мне, что ему снится, а я не мог сказать ему, как все на самом деле.

Вскоре по обеим сторонам моста длинными рядами встали автомобили, их фары освещали дымящиеся обломки, в этом было что-то от вечерней игры на стадионе, машины скорой помощи и полиции проталкивались поближе, и воздух пульсировал цветом. Я ни с кем не разговаривал. У меня был секрет: за это короткое время я превратился из президента этой трагедии в безликого наблюдателя на месте чудовищной аварии. В какой-то момент полицейский узнал, что я был одним из пассажиров, и взял у меня показания. Я ничего не помню, помню только, как он сказал мне: «Потушите сигарету». Мы прервались, чтобы посмотреть, как умиряющего мужчину загружают в скорую. Он все еще был жив, все еще бесстыдно грезил. С него текли струйки крови. У него дергались колени и тряслась голова.

Со мной все было в порядке, и я не видел, как все произошло, но полицейский все равно обязан был опросить меня и отвезти в больницу. По рации у него в машине передали, что мужчина умер, мы как раз въехали под козырек отделения неотложной помощи.

Я стоял в коридоре, выложенном кафельной плиткой, и, примостив к стене свой мокрый спальник, разговаривал с человеком из местного похоронного бюро.

Проходивший мимо врач остановился сказать, что мне надо бы сделать снимок.

– Не надо.

– Лучше сейчас. Если потом что-то проявится...

– Со мной все в порядке.

По коридору шла жена. Великолепная, пылающая. Она еще не знала, что ее муж мертв. Мы знали. Вот почему у нее была такая власть над нами. Врач проводил ее в кабинет с письменным столом в конце коридора, просвет под дверью засверкал и залучился, как будто там внутри какая-то колоссальная сила испепеляла бриллианты. Что за легкие! Когда она закричала, я подумал, что так, наверное, кричит орел. Я был счастлив быть живым и слышать этот крик! С тех пор я повсюду искал это чувство.

«Со мной все в порядке», – как у меня язык-то повернулся. Но я всегда был склонен обманывать врачей, как будто крепкое здоровье полностью состояло в способности их одурачить.

Несколько лет спустя, как-то раз, когда я оказался в отделении детоксикации Сиэтлской центральной больницы, я использовал ту же тактику.

– Вы слышите необычные звуки или голоса? – спросил меня врач.

– Помогите нам, о Господи, как больно, – вопили ватные тампоны.

– Не то чтобы.

– Не то чтобы, – повторил он. – Ну и что это значит?

– Я сейчас не готов в это углубляться, – ответил я. Желтая птичка запорхала прямо у меня перед лицом, по моим мышцам пробежал спазм. Я забился как рыба. Я изо всех сил зажмурил глаза, из них брызнули горячие слезы. Когда я открыл глаза, я лежал на животе.

– Как комната стала такой белой? – спросил я.

Прекрасная медсестра трогала мою кожу. «Это витамины», – сказала она и запустила в меня иглу.

Шел дождь. Над нами склонились гигантские папоротники. Лес сползал по склону холма. Я слышал, как бежит по камням ручей. И вы, смешные вы люди, ждете, что я помогу вам.

ДВОЕ

Первого я встретил, когда возвращался с танцев, которые устраивала Ассоциация ветеранов иностранных войн. Меня увели оттуда два моих друга. Я забыл, что мы пришли вместе, но вот, они стояли передо мной. Я в очередной раз возненавидел этих двоих. В основании нашей дружбы лежало нечто ошибочное, какое-то изначальное недопонимание, которое пока что не всплыло, так что мы продолжали держаться друг друга – ходили в бары, разговаривали о чем-то. Обычно такие ложные союзы распадались через день-полтора, но этот продержался больше года. Потом одного из них ранили, когда мы влезли в аптеку, и мы вдвоем с другим бросили его, истекающего кровью, у заднего входа в больницу, и его арестовали, и все связи разрушились. Позже мы заплатили за него залог, а потом с него сняли все обвинения, но мы уже распахнули наши грудные клетки и показали свои трусливые сердца, а после такого не остаются друзьями.

В тот вечер в клубе Ветеранов иностранных войн я танцевал с одной девушкой, я оттеснил ее за огромный кондиционер и там целовал ее, расстегнул ее штаны и засунул в них руку. Она была замужем за моим другом, но они уже примерно год как развелись, и я все думал, что у нас, возможно, что-то будет, но ее парень – неприятный, тощий, умный тип, я почему-то чувствовал его превосходство надо мной – зашел за кондиционер, пристально посмотрел на нас и сказал ей, чтобы она пошла и села в машину. Я боялся, что он что-нибудь сделает, но он исчез сразу вслед за ней. Весь остаток вечера я ждал, каждую секунду, что он вернется с друзьями и со мной произойдет что-нибудь болезненное и унижительное. У меня был пистолет, но не то чтобы я собирался его использовать. Я купил его так дешево, что не сомневался, что он взорвется у меня в руке, если я попробую из него выстрелить. Так что это только делало ситуацию еще унижительнее – потом люди, чаще всего я представляю мужчин, которые рассказывают что-то женщинам, говорили бы: «У него был пистолет, но он даже не вытащил его из штанов». Я пил, сколько мог, пока ковбойский ансамбль не закончил играть и не зажегся свет.

Когда мы с друзьями подошли к моему маленькому зеленому «фольксвагену», мы обнаружили в нем того, о ком я начал вам рассказывать, первого, он крепко спал на заднем сиденье.

– Кто это? – спросил я.

Но они тоже никогда раньше его не видели.

Мы разбудили его, и он сел. Он был здоровяк, не такой высокий, чтобы упереться головой в крышу машины, но очень крупный, с пухлым лицом и короткой стрижкой. Вылезать из машины он не собирался.

Он показал на свои уши и рот, давая понять, что он глухой и немой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.